

DOI: 10.22363/2313-2272-2026-26-2-525-539

EDN: YFHHOS

Ценностные ориентации и репродуктивные установки населения: детерминанты выбора родительства и моделей детности в Республике Татарстан*

А.Ф. Шакирова

Центр перспективных экономических исследований Академии наук Республики Татарстан,
ул. Карла Маркса, 23/6, Казань, Россия, 420111

(e-mail: Alisa.Shakirova@tatar.ru)

Аннотация. Статья посвящена ценностным ориентациям и репродуктивным установкам населения Республики Татарстан в условиях современного демографического кризиса. В работе анализируется феномен многодетной семьи как особой социальной модели, утрачивающей массовый характер, но сохраняющей значимость для воспроизводства общества. Теоретическая основа статьи — классические социологические подходы (О. Конт, Э. Дюркгейм, М. Вебер, К. Маркс, Ф. Энгельс) и современные концепции демографического перехода, что позволяет показать трансформацию института семьи от традиционной многодетности к доминированию двухдетности и распространению бездетности: социальные потрясения, индустриализация и изменение роли государства в XX веке определили снижение рождаемости и маргинализацию многодетности. Эмпирическая часть статьи основана на результатах опроса населения Республики Татарстан (N = 400) и глубинных интервью с многодетными матерями (N = 20): обозначены ключевые факторы принятия решений о рождении детей, включая здоровье, материальное положение, жилищные условия и поддержку партнера. Женщины демонстрируют более широкий спектр условий репродуктивного выбора, в то время как мужчины чаще затрудняются назвать конкретные причины. Также представлены барьеры для многодетности и предложения населения по мерам государственной поддержки рождаемости, среди которых доминируют доступное жилье и финансовая стабильность. Сделан вывод, что многодетность в России сохраняет статус исключительной модели детности, основанной преимущественно на ценностном выборе и институциональной поддержке.

Ключевые слова: репродуктивные установки; многодетность, ценностные ориентации, семья, демографическая политика, Республика Татарстан, региональные исследования

Для цитирования: Шакирова А.Ф. Ценностные ориентации и репродуктивные установки населения: детерминанты выбора родительства и моделей детности в Республике Татарстан // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2026. Т. 26. № 2. С. 525–539. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2026-26-2-525-539> EDN: YFHHOS

*© Шакирова А.Ф., 2026

Статья поступила в редакцию 18.08.2025. Статья принята к публикации 10.04.2026.

Вопросы демографического воспроизводства, родительства и устойчивости семьи становятся особенно актуальными в условиях затяжного демографического спада, который переживает Россия с конца XX века. Одной из центральных тем, привлекающих внимание как демографов (см., напр.: [4; 7]), так и социологов (см., напр.: [12]), становится феномен многодетной семьи, в которой воспитываются трое и более детей. Несмотря на то, что на протяжении столетий многодетность воспринималась как естественная норма, в условиях постиндустриального общества она обрела статус исключения.

Классическая социология рассматривает семью как базовый элемент общественного устройства, обеспечивающий воспроизводство социальных норм, идентичностей и иерархий. О. Конт подчеркивал, что семья — первичная ячейка социальной морали, формирующая послушание, долг и устойчивость общественного порядка [9. С. 403]. Э. Дюркгейм рассматривал семью как источник социальной солидарности, в которой формируются моральные ценности и коллективное сознание [6. С. 125], отмечал, что без таких первичных форм социальной интеграции, как семья, невозможна стабильность общества. М. Вебер анализировал семью через категорию ценностно-рационального действия, указывая на ее роль в формировании индивидуальных установок, религиозных представлений и ориентации на долг [3. С. 503]. По Веберу, семья не только экономическая, но и культурная структура, задающая рамки поведения и норм [3. С. 598]. К. Маркс и Ф. Энгельс, напротив, трактовали семью прежде всего как механизм воспроизводства рабочей силы и передачи частной собственности, подчеркивая зависимость семейной структуры от экономического базиса и производственных отношений [18. С. 45].

Важно отметить, что классики социологии не акцентировали внимание на многодетности как отдельном феномене, поскольку в исторических условиях их времени высокая рождаемость воспринималась как само собой разумеющееся условие существования семьи, не требующее отдельной аналитической рефлексии. Поэтому для понимания эволюции многодетности необходимо обратиться к историко-демографическим реалиям. Исторический анализ позволяет проследить, каким образом макросоциальные потрясения — войны, революции и социально-экономические кризисы XX века — трансформировали традиционную модель многодетности и изменили ее социальный статус.

До начала XX века многодетность была господствующей моделью семьи в большинстве аграрных обществ, включая дореволюционную Россию. Высокая рождаемость (6–7 и более детей на женщину) компенсировала высокую младенческую смертность, обеспечивала рабочую силу в крестьянских хозяйствах и служила социальной гарантией в старости [8]. Семья одновременно выполняла производственную и воспитательную функции, и наличие

большого числа детей воспринималось как экономическое благо. В социологической перспективе такая модель соответствовала традиционалистской структуре общества, где воспроизводство происходило в рамках сакрализованных ролей и иерархий. Женщина рассматривалась прежде всего как мать, а рождение детей — как исполнение социального и религиозного долга [5. С. 78].

В период с 1914 по 1922 годы масштабные потрясения — Первая мировая война, революционные события 1917 года и Гражданская война — привели к глубокому демографическому кризису и разрушению уклада многодетных семей. Массовая мобилизация мужчин на фронт обусловила резкое увеличение числа вдов и сирот: по разным оценкам, к 1921 году в России насчитывалось от 4 до 7 миллионов беспризорных детей, значительная часть которых происходила из распавшихся многодетных семей [11. С. 65]. Экономическая разруха, дефицит продовольствия, голод (особенно в 1921–1922 годы) усугубили ситуацию. Многодетность, ранее считавшаяся демографической нормой в крестьянской среде, стала восприниматься как социальный и экономический риск. Снижение институциональной поддержки семьи и обесценивание традиционных социальных ролей усилили кризис модели многодетности.

В 1930-е годы государственная политика СССР взяла курс на индустриализацию, сопровождавшуюся насильственной коллективизацией, разрушением крестьянских хозяйств и массовыми репрессиями. Коллективизация (1929–1933) привела к демонтажу традиционного крестьянского уклада, в котором многодетность выполняла важную производственную функцию. Модель большой семьи как основы аграрной экономики была структурно вытеснена [10. С. 356]. Ключевым демографическим ударом по многодетности стал голод 1932–1933 годов, унесший колоссальное количество жизней. Многодетные семьи, имеющие больше иждивенцев, оказались в наиболее уязвимом положении: зафиксированы массовые случаи отказа от детей, роста числа беспризорных и полуголодных детей [1. С. 202].

До начала Великой Отечественной войны демографическая ситуация в СССР оставалась относительно стабильной: коэффициент рождаемости в среднем составлял около 4,6 ребенка на женщину. Война вызвала резкий демографический кризис: массовая смертность и социально-экономические последствия привели к падению рождаемости, которая в 1946–1950 годы снизилась до 2,8 ребенка [17. С. 415]. Осознавая угрозу депопуляции, государство в 1944 году издало Указ № 118/11, предусматривавший меры поддержки беременных, одиноких и многодетных матерей, а также ввело звание «Мать-героиня» и новые государственные награды одновременно с налогом на бездетность с целью стимулирования рождаемости [16]. В послевоенные десятилетия государство стремилось удерживать уровень воспроизводства населения, однако к 1970–1980-м годам в обществе

закрепилась двухдетная модель семьи, а многодетность постепенно утратила массовый характер [4. С. 356]. После распада СССР рождаемость упала до исторического минимума: к 1999–2000 годам в России фиксировалось менее 1,2 ребенка на женщину, что отражало распространение бездетных и однопородных семей в условиях экономической и социальной нестабильности [15].

Формирование установки на бездетность или отложенное родительство стало частью культурного сдвига: семья перестала быть обязательным элементом жизненного сценария, а рождение детей — социальной обязанностью [2. С. 156]. На фоне депопуляции и старения населения государство предпринимает целенаправленные шаги по возрождению многодетности: с 2007 года введен материнский капитал, расширены меры поддержки семей с детьми, а в официальной риторике многодетность начинает интерпретироваться как «демографический подвиг» и проявление «традиционных ценностей» [14]. Однако современная многодетность не возвращается в традиционную форму: а становится результатом осознанного, а нередко и идеологически окрашенного выбора — развиваются новые формы городских многодетных семей, мотивированных не бедностью или религией, а ценностной ориентацией и социальным капиталом [13. С. 52].

Современные демографические вызовы, в том числе снижение рождаемости, изменение репродуктивных стратегий и рост числа бездетных домохозяйств, требуют углубленного изучения факторов, определяющих установки на родительство и особенно на многодетность как редкую, но социально значимую модель детности. В связи с этим далее мы обратимся к данным опроса населения Республики Татарстан ($N = 400$) и серии глубинных интервью с многодетными матерями ($N = 20$), которые были проведены весной–летом 2025 года.

Большинство респондентов (78 %) назвали своей наиболее важной жизненной ценностью любовь, семью и детей, значительно реже отмечались такие ориентиры, как комфорт, здоровье, безопасность (7,8 %), деньги, статус, власть (5 %), карьера, знания, саморазвитие (4,3 %). Среди факторов, которые должны иметь наибольший вес при принятии решения о рождении ребенка, респонденты чаще всего отмечали состояние здоровья (76 %) и материальное положение (72 %), далее идут желание иметь детей (58 %), жилищные условия (38 %), поддержка партнера (37 %) и детородный возраст (31 %). Значительно меньшая доля респондентов указали ситуацию в стране (14 %) и карьерные планы (11 %), что говорит о преобладании факторов безопасности и уверенности в настоящем по сравнению с долгосрочным или внешним контекстом.

Между мужчинами и женщинами наблюдаются статистически значимые различия по ряду параметров. Женщины чаще, чем мужчины, акцентируют внимание на состоянии здоровья (83 % против 66 %; $\chi^2 = 16,069$,

$p = 0,000$). Желание иметь детей также важнее для женщин (68 % против 46 %; $\chi^2 = 18,806$, $p = 0,000$), как и поддержка партнера (43 % против 28 %; $\chi^2 = 10,259$, $p = 0,001$), жилищные условия (46 % против 29 %; $\chi^2 = 13,062$, $p = 0,000$) и карьерные ограничения (14 % против 6,7 %; $\chi^2 = 5,528$, $p = 0,019$), что указывает на более комплексный подход женщин к оценке условий родительства — с учетом как социальных, так и биологических факторов. Анализ по возрастным группам (младшая (18–29 лет), средняя (30–49 лет) и старшая (50+)) также выявил ряд значимых различий. Материальное положение наиболее важно для младшей группы (83 %) и менее значимо для старшей (64 %) ($\chi^2 = 11,276$, $p = 0,004$), детородный возраст ожидаемо более значим для старшей группы (48 % против 14 % в младшей; $\chi^2 = 40,051$, $p = 0,000$). Жилищные условия наиболее важны для младшей и средней групп (52 и 48 % соответственно), но реже упоминаются старшей (21 %) ($\chi^2 = 33,839$, $p = 0,000$). Поддержка партнера значима в большей степени для младшей группы (48 %), что, вероятно, отражает большую зависимость от партнера на начальном этапе построения семьи ($\chi^2 = 11,879$, $p = 0,003$). Таким образом, для молодежи приоритетны экономические и социальные условия, для старших поколений — и биологические ограничения.

Преобладающий идеал для татарстанцев — двое детей (43 %), второй по популярности вариант — трое детей (36 %). Только 5,3 % опрошенных не хотели бы иметь детей, как и большие семьи (четверо детей и более) (это идеал для 5 %). Различия между возрастными группами статистически значимы ($\chi^2 = 24,979$, $p = 0,015$). Отказ от родительства наиболее характерен для младшей группы (11 %), что может отражать временную установку или отсрочку решений. Идеал двух детей доминирует в среднем возрасте (50 %), старшие группы чаще хотят троих детей (43 %). Установки на большие семьи (четверо и пятеро детей) чаще фиксируются в средней и старшей группах, но все равно редки. Получается, что с возрастом усиливается желание иметь больше детей, что может быть связано с ретроспективной переоценкой или реализацией ранее сформированных установок.

Чтобы понять установки многодетных татарстанцев, обратимся к результатам глубинных интервью с многодетными матерями. Путь к многодетности индивидуален, и неудивительно, что ряд информантов признались, что всегда хотели иметь большую семью: *«Я с детства мечтала стать многодетной матерью. Люблю детей — это наше будущее»; «Хотели троих детей. Мое желание совпало с мнением супруга»*. Многие не мечтали о большой семье изначально, для кого-то идеалом было не количество, а «качество», и решение о пополнении было вызвано желанием иметь ребенка определенного пола: *«Хотели девочку — родились два сына, пошли за третьим — родилась девочка»*. У других желание было не обоюдным: *«Супруг больше настоял на третьем»*. Иногда вместо желания сыграв

ли жизненные обстоятельства (например, многоплодная или незапланированная беременность: *«Не планировали троих, но родилась двойня»*).

Сопоставляя желания участников опроса по количеству детей с фактическими данными, можно сделать вывод, что более чем в половине случаев (57 %) фактическое количество детей совпадает с желаемым, в 40 % случаев респонденты имеют меньше детей, чем им хотелось бы, а в 1,7 % случаев — наоборот, больше. Кроме того, в редких случаях (1,2 %) оценить совпадение желаемого и фактического количества детей невозможно ввиду того, что опрошенные затрудняются сформулировать свои пожелания. Здесь также наблюдаются статистически значимые гендерные различия ($\chi^2 = 11,748$, $p = 0,008$). У мужчин совпадение фактического и желаемого количества детей встречается чаще (65 % против 50 %), тогда как у женщин чаще детей оказывается меньше (46 % против 34 %) или больше (2,7 % против 0,6 %), чем им хотелось бы. Возраст — ключевой фактор, определяющий совпадение «плана» с фактом ($\chi^2 = 103,601$, $p = 0,000$). Для младшей группы (76 %) характерно иметь меньше детей, чем хотелось бы, что отражает как объективно ранний этап репродуктивного пути, так и барьеры (материальные, карьерные, ценностные). В среднем возрасте совпадение достигается в половине случаев (52 %), хотя зачастую (45 %) фактическое количество детей, как и в целом по выборке, меньше желаемого. В старшей группе, в значительной степени реализовавшей репродуктивные потребности и потенциал, доля совпадения достигает 83 %.

Из ответов респондентов, фактическое количество детей которых меньше желаемого, можно выделить следующие факторы, обусловившие данную ситуацию: финансовые трудности (20 %); неподходящий возраст (еще рано или уже поздно) (17 %); неуверенность в будущем (15 %); неудовлетворительные жилищные условия (14 %). Реже назывались такие причины, как занятость на работе и/или учебе (10 %), проблемы с зачатием (8,7 %) и отсутствие подходящего партнера (6,8 %). При этом треть опрошенных, имеющих меньше детей, чем им хотелось бы (33 %), затрудняются назвать конкретную причину. Женщины чаще, чем мужчины, ссылались на отсутствие подходящего партнера (8,9 % против 3,3 %) и уверенности в будущем (19 % против 8,3 %), неподходящий возраст (19 % против 15 %) и проблемы с зачатием (10 % против 6,7 %), что может свидетельствовать о большей рефлексии и информированности женщин в вопросах репродуктивных ограничений. Мужчины же чаще упоминали занятость (13 % против 7,9 %) и чаще затруднялись назвать конкретную причину (45 % против 26 %), причем в последнем случае различия статистически значимы ($\chi^2 = 6,321$, $p = 0,012$).

Возраст оказался одним из наиболее значимых факторов восприятия барьеров к рождению ребенка. Проблемы с зачатием упоминаются преимущественно в средней возрастной группе (21 %; $\chi^2 = 19,546$, $p = 0,000$), а в младшей группе практически не фигурируют. Финансовые трудности

чаще упоминаются в среднем (26 %) и старшем возрасте (26 %). Доля указаний на неподходящий возраст (рано или поздно) резко возрастает в старшей группе (35 % против 15 % в младшей и средней группах). В младшей группе более половины опрошенных затруднились ответить (55 %), что значительно больше, чем в других возрастах (среднем — 16 %, старшем — 4,3 %), и эти различия статистически значимы ($\chi^2 = 33,600$, $p = 0,000$). Таким образом, восприятие репродуктивных барьеров зависит от жизненного этапа: молодежь чаще не формулирует четких причин, а в зрелом возрасте фиксируются биологические и материальные ограничения.

Поскольку прикладная задача исследования состояла в разработке предложений и рекомендаций по повышению количества многодетных семей и стимулированию желания иметь больше детей среди татарстанцев, мы попросили участников опроса уточнить, какие меры государственной поддержки могли бы способствовать увеличению рождаемости в республике. Две трети респондентов назвали доступное жилье для семей (79 %) и увеличение выплат на детей (63 %), почти половина — гибкие условия труда для родителей (50 %) и доступность детских садов (49 %), реже упоминались меры поддержки независимо от нуждаемости (37 %), улучшение здравоохранения (25 %) и бесплатные родительские курсы (18 %), т.е. доминирует запрос на структурные и экономические меры, облегчающие ведение семейной жизни.

Мужчины и женщины высказали схожие приоритеты в мерах господдержки, имеющиеся различия статистически незначимы. Возраст оказывает заметное влияние на предпочтения, особенно по менее приоритетным пунктам: увеличение выплат чаще поддерживают младшая (68 %) и средняя (66 %) группы по сравнению со старшей (57 %), курсы для родителей вызывают интерес преимущественно у молодых (28 %) и людей среднего возраста (23 %), а в старшей группе почти не упоминаются (6,2 %). Соцподдержка без нуждаемости также более актуальна для младшей группы (48 % против 28 % в старшей). Можно сказать, что молодежь склонна к комплексному подходу, включая просветительские и социальные меры, тогда как старшее поколение больше сосредоточено на экономических стимулах.

В ходе глубинных интервью с многодетными матерями республики мы также получили ряд предложений по мерам государственной поддержки рождаемости, ориентированной на укрепление в обществе нормы многодетности. В настоящее время информанты получают (или получали в статусе многодетной семьи) следующие меры поддержки: единое пособие, субсидии и компенсации расходов на детский сад и ЖКХ, материнский капитал, помощь в погашении ипотеки (450 тысяч рублей), предоставление земельного участка, бесплатное или льготное питание в школе. Вместе с тем, лишь немногие удовлетворены уровнем оказываемой поддержки: больше половины информантов считают, что поддержка либо недостаточна, либо отсутству-

ет вовсе. Во многом это связано с тем, что для ее получения ряда необходимо соответствовать таким формальным критериям, как доход семьи: *«Единовременное пособие мы не получали ни за второго, ни за третьего ребенка — превышает доход»; «Не удалось встать на очередь на землю... программу изменили»; «Не получаю, так как наша семья не является малоимущей»*. Также встречаются жалобы на неравномерность помощи в разрезе регионов: *«В Татарстане нет помощи многодетным семьям... хочется хотя бы как в Москве»*.

Что касается предложений, то большая часть из них — об адекватной современным ценам материальной помощи, пособиях, льготах и т.д., с акцентом на независимости помощи от текущих доходов многодетной семьи: *«Пособия до трех лет чтобы выплачивали... учитывать ипотеки и кредиты»; «Предоставить побольше льгот, выплачивать пособия на детей, несмотря на доходы»; «Сумма, которая выделяется на одного человека — смешная... учитывая рост цен на продукты, одежду, учебу, кружки»; «Финансовая поддержка в первую очередь, ежемесячное пособие всем, а не выборочно»; «Закон о пособиях для каждого ребенка до 18 или 23 лет, если учится в университете, несмотря на обеспеченность! Например, я не малообеспеченная, пособий не получаю, работаю. Ребенка и обуть надо, и кормить, и одевать, и на разные кружки водить. Это все за счет нашей заработной платы»*. Хотя некоторые информанты выражают сомнения по поводу целесообразности материальной мотивации многодетности и деторождения: *«Дети не собаки, чтобы их заводить. Имеющаяся материальная поддержка, к сожалению, приводит к тому, что рождаются дети в семьях, где их не любят и они нужны были, чтобы поправить финансовое положение. Можно родить и десять детей, но какими личностями они вырастут без искренней любви родителей?»*.

Следующая группа предложений касается жилищных условий многодетных семей (доступное жилье имело наибольшее значение для многодетных респондентов в массовом опросе): *«землю, пониженные ставки по ипотеке»; «стабильное экономическое положение, снижение цен на ЖКХ, субсидии»*. Также поступили предложения по материальной и нематериальной поддержке матерей в домашних делах, развитии и досуге: *«Бесплатная няня, чтобы матери не сходили с ума»; «Трудно одновременно полноценно заниматься детьми и работать... Нужны пособия для неработающих»; «Курсы и льготы для кружков... чтобы мамы могли разгружаться и наполняться ресурсами»*. Наконец, это материальная помощь в получении образовательных и медицинских услуг для детей: *«льготы на все лекарства»; «льготное питание в школе, помощь с покупкой школьной формы»; «льготы на поступление в училище»*.

Далее мы предложили респондентам и информантам ответить на вопрос, что нужно делать, чтобы современные семьи решались на троих и бо-

лее детей. Наиболее важными условиями для расширения семьи оказались финансовая стабильность (64 %), доступное жилье или ипотека для многодетных (62 %) и повышенные выплаты на детей (56 %), далее идут бесплатное или льготное образование (49 %) и государственная поддержка (46 %), менее значимы общественное признание многодетности (11 %), медицинское сопровождение беременности (21 %) и помощь с уходом за детьми (23 %), что говорит о доминировании материальных и институциональных факторов как условий для многодетности.

Отличия между мужчинами и женщинами значимы: женщины значительно чаще подчеркивают важность финансовой стабильности (74 % против 52 %; $\chi^2 = 20,400$, $p = 0,000$), жилья (67 % против 55 %; $\chi^2 = 5,694$, $p = 0,017$), возможности удаленной работы (42 % против 27 %; $\chi^2 = 8,804$, $p = 0,003$), помощи с детьми (29 % против 16 %; $\chi^2 = 10,508$, $p = 0,001$) и медицинского обслуживания во время беременности (25 % против 17 %; $\chi^2 = 3,903$, $p = 0,048$). Можно сказать, что женщины придают больше значения системам поддержки, снижению нагрузки и повышению уверенности в безопасности материнства, тогда как мужчины сосредоточены на базовых экономических аспектах. Возраст также влияет на представления об условиях многодетности. Финансовая стабильность наиболее актуальна для младшей (74 %) и средней (71 %) групп по сравнению со старшей (52 %) ($\chi^2 = 16,665$, $p = 0,000$). Доступ к образованию (детский сад, школа) более важен для средней и старшей групп (53 % и 55 % против 35 %; $\chi^2 = 10,893$, $p = 0,004$). Жилье и ипотека в приоритете у младшей и средней групп (по 68 % против 52 %; $\chi^2 = 10,464$, $p = 0,005$). В старшей группе существенно меньше доля тех, кто упоминает доверие к будущему (16 %), медицинское обслуживание (6,8 %) и общественное признание многодетности (5 %) (все различия статистически значимы при $p < 0,005$). Молодежь и респонденты среднего возраста чаще говорят о необходимости инфраструктурной и психологической поддержки, тогда как старшее поколение, вероятно, исходит из сложившегося опыта и менее подвержено ожиданиям внешней помощи.

В ходе интервью вопрос был сформулирован иначе, чтобы лучше раскрыть межличностную грань мотивационной основы многодетности: «Что, по Вашему мнению, можно предпринять со стороны семьи и личности для того, чтобы семьи чаще заводили троих и более детей?». Информанты часто подчеркивали роль эмоционального климата и психологической устойчивости в семье: «*Взаимопонимание и поддержка должна быть в первую очередь*»; «*Хорошо бы работать с психологом на регулярной основе*»; «*поддержка, одобрение*»; «*быть психически здоровым, финансово стабильным*». Некоторые информанты, связывая свое решение о многодетности с опытом родительской семьи, считают возможным содействовать ее распространению личным примером: «*Если семья, в которой ты рос, была многодетной, благополучной, где тебя любили и уделя-*

ли тебе время... это и будет влияющим фактором». Другие призывают освещать позитивный опыт, предлагать доступную помощь и таким образом менять общественные установки: *«Разрушать стереотипы о многодетстве, оказывать моральную поддержку, помогать физически»; «рассказывать о плюсах многодетности»*. Однако многие участницы интервью подчеркивали, что решение о количестве детей — личное, и никто не должен вмешиваться: *«это решение каждого»; «отстать от личности и дать ей возможность самой решать, когда и сколько детей рожать»; «каждая семья думает по-своему»*.

Наконец, мы попросили татарстанцев, у которых еще нет троих и более детей, сформулировать, что лично для них является препятствием к многодетности. Наиболее часто упоминалось достижение желаемого количества детей — 37 % указали, что не планируют больше детей, меньше ссылаются на финансовые трудности (16 %) и недостаточное жилищное пространство (14 %), еще реже упоминаются усталость и выгорание от воспитания детей (5,8 %), проблемы со здоровьем (6,3 %) и возраст (9,3 %). Поколенческие различия оказывают статистически значимое влияние на восприятие препятствий к многодетности. Среди наиболее выраженных различий можно отметить следующие: финансовые трудности — 30 % в младшей группе против 3,7 % в старшей ($\chi^2 = 34,181$, $p = 0,000$); недостаточная жилплощадь — 26 % против 3,1 % ($\chi^2 = 29,382$, $p = 0,000$); усталость и выгорание — 10 % против 1,2 % ($\chi^2 = 10,570$, $p = 0,005$); неподходящий возраст более значим в младшей группе (19 %), чем в средней (7,2 %) и старшей (5 %) ($\chi^2 = 15,539$, $p = 0,000$); карьерные планы упоминаются в младшей группе (12 %) и практически отсутствуют в старшей (0,6 %) ($\chi^2 = 17,742$, $p = 0,000$), достижение желаемого количества детей — 19 % против 46 % ($\chi^2 = 20,027$, $p = 0,000$). Эти различия демонстрируют, что младшие респонденты в большей степени сталкиваются с объективными социально-экономическими барьерами, тогда как у старших более выражено осознание завершенности репродуктивных планов.

Важно заметить, что многодетные татарстанцы также сталкивались с объективными и субъективными препятствиями на пути к этому статусу и продолжают испытывать трудности после его приобретения. Рассмотрим три самых важных из них, опустив такие очевидные, как финансовые трудности, нехватка жилплощади и др., по материалам интервью. Вспоминая свои первые чувства, связанные с ожиданием и/или рождением в их семьях третьего ребенка, информанты чаще всего сообщали, что были рады, горды и благодарны: *«Только чувства радости и гордости за себя и свою семью»; «Чувства стать матерью, а именно многодетной — это большая гордость для меня»; «Чувства счастья, радости и одновременно гордости»; «Радость и благодарность Аллаху, что дал нам возможность стать многодетными родителями»*. Вместе с тем даже в тех случаях, когда многодетность стала

осознанным, эмоционально насыщенным и ценностно значимым решением, имеет место страх не справиться с новой ролью и переживания о будущем, пусть и оказавшиеся со временем напрасными, — это первое препятствие: *«Были переживания — справлюсь ли я со всеми, но все переживания были напрасны»; «Понимала, что это большая ответственность — нужно не просто закрывать основные потребности, но и воспитать хорошего человека»; «Было много страхов, когда только узнали о беременности».*

Второе препятствие связано с реакцией окружающих на ожидание и/или рождение третьего ребенка, особенно самых близких — супруга, старших детей, родителей, друзей и т.д. К счастью, в большинстве случаев многодетные мамы встретили поддержку со стороны мужей и детей, которые разделили, а частично развеяли их тревоги: *«Мой супруг всегда поддерживал и до сих пор продолжает поддержку»; «Конечно супруг поддержал, это наше обоюдное решение»; «Ощущала поддержку со стороны мужа и детей»; «Первые девочки уже большие, очень помогают»; «Дети очень рады и просят еще родить им братика или сестренку».* Однако ряд информантов признались, что, объявив о своем новом статусе или решении его принять, сначала столкнулись с удивлением и непониманием со стороны родителей и друзей: *«Родители, как и многое окружение, удивились, считали, что трое — это уже много, но сейчас все рады»; «Родители не совсем поддерживают мое решение»; «Друзья и родственники не сразу поддержали».*

Наконец, третье препятствие, которое в полной мере проявило себя в жизни информантов уже после обретения нового статуса, — нехватка времени, пространства и ресурсов для личностного и карьерного роста, занятий хобби и отдыха: *«Маленькому только пять, поэтому на себя времени, к сожалению, нет»; «Времени конечно на данный период для себя практически нет, все время занимает грудной ребенок»; «Времени нет, поддержки родителей нет, так как они проживают в другом городе. Муж дает возможность выбраться, но в конце дня уже нет сил».* Впрочем, некоторые информанты замечают, что отсутствие времени — это лишь временные трудности, и, когда младшие дети подрастают, период острого дефицита ресурсов проходит, и ситуация постепенно улучшается: *«Раньше, когда дети были маленькими, времени не хватало ни на что... Сейчас все нормально».*

Более того, иногда декретный период используется многодетными мамами как точка роста — время для занятий хобби, получения дополнительного образования и построения карьеры: *«В разное время по-разному. Маленькие дети занимают больше времени... Сейчас дети подросли, и уже год как мое хобби переросло в работу»; «Я не карьеристка... играю в бадминтон и волейбол. Когда я одна хожу на тренировку, помогают родители и взрослые дети»; «Все дело в желании. Было бы желание, а все*

остальное приложится. Хобби у меня много... занимаюсь трейдингом, графическим дизайном»; «Вполне достаточно времени, у меня много хобби... Сейчас работаю экономистом... совмещаю с удаленной работой бухгалтеря... в декрете получила бесплатное дополнительное образование».

Подводя итоги, можно сказать, что доминирование семейно-ориентированных ценностей среди опрошенных татарстанцев подтверждается, а их репродуктивные решения обусловлены совокупностью биопсихосоциальных факторов, среди которых наибольшее значение имеют здоровье, материальное положение и мотивация к родительству. Женщины отмечают более широкий спектр значимых условий, включая поддержку партнера, жилищную обеспеченность и ограничения карьеры, что указывает на большую рефлексивность и включенность женщин в репродуктивное планирование, а также на гендерную асимметрию восприятия родительства.

Многодетность остается ценностной нормой для ограниченного круга семей, чаще всего для тех, кто уже ее достиг, а многие не достигают желаемого числа детей, т.е. идеалы и реальность детности зачастую не совпадают. Как показали интервью с многодетными матерями, мотивация к многодетности в таких семьях многофакторная: некоторые с юности стремились к большой семье, другие хотели родить ребенка определенного пола, в ряде случаев инициатива исходила от супруга, значимы и жизненные обстоятельства — неплановая беременность или рождение двойни. Путь к многодетности оказывается в большинстве случаев осознанным, хотя и не всегда заранее спланированным.

Причины того, что детей в семьях татарстанцев оказывается меньше желаемого количества, — как объективные (финансовые, жилищные), так и субъективные (отсутствие уверенности в будущем, проблемы с зачатием). Барьеры к расширению семьи различаются по критериям возраста и пола: молодежь чаще ссылается на карьерные и финансовые ограничения, у старших доминирует установка на завершенность репродуктивного пути; мужчины чаще затрудняются назвать конкретные причины.

Запрос на поддержку рождаемости в целом и многодетности в частности сосредоточен вокруг экономических и инфраструктурных условий: доступное жилье, стабильные доходы, выплаты на детей. Меньшее внимание уделяется мерам социального признания и просвещения, что отражает прагматическую ориентацию. Молодежь выражает потребность в комплексной поддержке, включая гибкие условия труда, медицинское сопровождение и доверие к будущему, а старшие поколения ориентированы преимущественно на экономические стимулы. Интересно, что многодетные матери в большинстве своем критикуют существующие меры государственной поддержки за избирательность и привязку

к уровню дохода. Среди предложений — универсальные пособия независимо от статуса, снижение платы за ЖКХ, бесплатные няни, декретные выплаты для неработающих матерей, расширение медицинских и образовательных льгот. Большое значение придается эмоциональному климату, стабильности в семье, примерам успешного родительства, звучат инициативы по разрушению стереотипов, повышению осведомленности и вовлечению семей в общественные дискуссии.

Информация о финансировании

Работа выполнена за счет гранта Академии наук Республики Татарстан, предоставленного молодым кандидатам наук (постдокторантам) с целью защиты докторской диссертации, выполнения научно-исследовательских работ, а также выполнения трудовых функций в научных и образовательных организациях Республики Татарстан в рамках Государственной программы Республики Татарстан «Научно-технологическое развитие Республики Татарстан» (Соглашение от 16.12.2024 № 108/2024-ПД).

Библиографический список

1. Астахов В.И. Социальная история России в XX веке. М., 2011.
2. Бек У. Общество риска. М., 2000.
3. Вебер М. Хозяйство и общество. М., 1990.
4. Вишневский А.Г. Демографическая модернизация России 1900–2000. М., 2006.
5. Гидденс Э. Устроение общества. М., 2004.
6. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М., 1991.
7. Захаров С.В. Демографический модерн и второй демографический переход в России // Демоскоп Weekly. 2007. № 305–306.
8. Захаров С.П. Демографическая история России: рубежи и повороты // Демоскоп Weekly. 2007. № 295–296.
9. Конт О. Курс позитивной философии. М., 2000.
10. Кончаловская Н.С. Демография и социальная политика в СССР: уроки и последствия. М., 2002.
11. Нефедов С.А. Аграрные и демографические итоги сталинской коллективизации. Тамбов, 2013.
12. Овчарова Л.Н., Корчагина И.И., Прокофьева Л.М. и др. Бедность в России: новые измерения. М., 2009.
13. Павлюткин И.В., Борисова О.Н. Многодетность как социальная миссия: новая реальность? // Социологические исследования. 2019. № 9.
14. Послание Президента Федеральному Собранию Российской Федерации. 2006. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/addresses>.
15. Суммарный коэффициент рождаемости. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31270>.
16. Указ от 8 июля 1944 г. № 118/11 «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении высшей степени отличия — звания “Мать-героиня” и учреждении ордена “Материнская слава” и медали “Медаль материнства”». URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=30133>.
17. Шакирова А.Ф., Коннова А.А. Меры социальной поддержки многодетных матерей как инструмент преодоления демографического кризиса в годы Великой Отечественной войны и в послевоенный период // Будущее науки: взгляд молодых ученых на инновационное развитие общества. Курск, 2025.
18. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., 1981.

Value orientations and reproductive attitudes: Determinants of parenting choices and childbearing patterns in the Republic of Tatarstan *

A.F. Shakirova

Center for Advanced Economic Research, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan,
Karl Marx St., 23/6, Kazan, Russia, 420111

(e-mail: Alisa.Shakirova@tatar.ru)

Abstract. The article considers value orientations and reproductive attitudes in the Republic of Tatarstan under the current demographic crisis. The author interprets the phenomenon of the large family as a distinct social model that lost its widespread character but retains its significance for social reproduction. The article's theoretical framework consists of classical sociological approaches (A. Comte, E. Durkheim, M. Weber, K. Marx, F. Engels) and contemporary concepts of demographic transition, which allows to show the transformation of the family institution from traditional large families to the prevalence of two children and the spread of childlessness: in the 20th century, social upheavals, industrialization and the changing role of the state determined a decline in fertility and marginalization of large families. The empirical part of the article is based on the results of a survey in the Republic of Tatarstan (N = 400) and in-depth interviews with mothers with many children (N = 20). The author identifies the key factors in decision-making regarding childbearing: health, financial situation, housing conditions, and partner support. Women name a wider range of reproductive choice factors, while men often find it difficult to identify specific reasons. The article also mentions barriers to having many children and the population's proposals for the state fertility support measures, among which affordable housing and financial stability predominate. Thus, in Russia the family with many children remains an exceptional model of childbearing, which is based primarily on value-based choices and institutional support.

Key words: reproductive attitudes; large families; value orientations; family; demographic policy; Republic of Tatarstan; regional studies

For citation: Shakirova A.F. Value orientations and reproductive attitudes: Determinants of parenting choices and childbearing patterns in the Republic of Tatarstan . *RUDN Journal of Sociology*. 2026; 26 (2): 525–539. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2026-26-2-525-539> EDN: YFHHOS

Funding

The research was supported by the grant from the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, given to young candidates of science (postdoctoral students) for defending a doctoral dissertation, conducting research, and working in scientific and educational organizations of the Republic of Tatarstan within the framework of the State Program of the Republic of Tatarstan Scientific-Technological Development of the Republic of Tatarstan” (Agreement of December 16, 2024, No. 108/2024-PD).

*© A.F. Shakirova, 2026

The article was submitted on 18.08.2025. The article was accepted on 10.04.2026.

References

1. Astakhov V.I. *Sotsialnaya istoriya Rossii v XX veke* [Social History of Russia in the 20th Century]. Moscow; 2011. (In Russ.).
2. Beck U. *Obshchestvo riska* [Risk Society. Towards a New Modernity]. Moscow; 2000. (In Russ.).
3. Weber M. *Khozyaystvo i obshchestvo* [Economy and Society]. Moscow; 1990. (In Russ.).
4. Vishnevsky A.G. *Demograficheskaya modernizatsiya Rossii 1900–2000* [Demographic Modernization in Russia 1900–2000]. Moscow; 2006. (In Russ.).
5. Giddens E. *Ustroenie obshchestva* [The Constitution of Society. Outline of the Theory of Structuration]. Moscow; 2004. (In Russ.).
6. Durkheim E. *O razdelenii obshchestvennogo truda* [The Division of Labor in Society]. Moscow; 1991. (In Russ.).
7. Zakharov S.V. Demografichesky modern i vtoroy demografichesky perekhod v Rossii [Demographic modernity and the second demographic transition in Russia]. *Demoskop Weekly*. 2007; 305–306. (In Russ.).
8. Zakharov S.P. Demograficheskaya istoriya Rossii: rubezhi i povoroty [Demographic history of Russia: Boundaries and turning Points]. *Demoskop Weekly*. 2007; 295–296. (In Russ.).
9. Comte A. *Kurs pozitivnoy filosofii* [The Course of Positive Philosophy]. Moscow; 2000. (In Russ.).
10. Konchalovskaya N.S. *Demografiya i sotsialnaya politika v SSSR: uroki i posledstviya* [Demography and Social Policy in the USSR: Lessons and Consequences]. Moscow; 2002. (In Russ.).
11. Nefedov S.A. *Agrarnye i demograficheskie itogi stalinskoy kollektivizatsii* [Agrarian and Demographic Results of Stalin's Collectivization]. Tambov; 2013. (In Russ.).
12. Ovcharova L.N., Korchagina I.I., Prokofieva L.M. et al. *Bednost v Rossii: novye izmereniya* [Poverty in Russia: New Dimensions]. Moscow; 2009. (In Russ.).
13. Pavlyutkin I.V., Borisova O.N. Mnogodetnost kak sotsialnaya missiya: novaya realnost? [Large family as a social mission: A new reality?]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2019; 9. (In Russ.).
14. Poslanie Prezidenta Federalnomu Sobraniyu Rossiyskoy Federatsii [Presidential Address to the Federal Assembly of the Russian Federation]. 2006. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/addresses>. (In Russ.).
15. Summary koefitsient rozhdaemosti [Total Fertility Rate]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31270>. (In Russ.).
16. Ukaz ot 8 iyulya 1944 g. No. 118/11 “Ob uvelichenii gosudarstvennoy pomoshchi beremennym zhenshchinam, mnogodetnym i odinokim materyam, usilenii okhrany materinstva i detstva, ob ustanovlenii vysshey stepeni otlichiya — zvaniya “Matgeroinya” i uchrezhdenii ordena “Materinskaya slava” i medali “Medal materinstva”” [Decree of July 8, 1944 No. 118/11 “On Increasing State Assistance to Pregnant Women, Large Families and Single Mothers, Strengthening the Protection of Motherhood and Childhood, Establishing the Highest Distinction — the Title of Mother-Heroine, the Order of Maternal Glory and the Medal of Motherhood”]. URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=30133>. (In Russ.).
17. Shakirova A.F., Konnova A.A. Mery sotsialnoy podderzhki mnogodetnykh materey kak instrument preodoleniya demograficheskogo krizisa v gody Velikoy Otechestvennoy voyny i v poslevoenny period [Social support measures for mothers with many children as a means for overcoming the demographic crisis during the Great Patriotic War and the post-war Period]. *Budushchee nauki: vzglyad molodykh uchenykh na innovatsionnoe razvitie obshchestva*. Kursk; 2025. (In Russ.).
18. Engels F. *Proiskhozhdenie semyi, chastnoy sobstvennosti i gosudarstva* [The Origin of the Family, Private Property and the State]. Moscow; 1981. (In Russ.).